В. Эрнъ.

ОТКРОВЕНІЕ

ВЪ

ГРОЗѢ И БУРѢ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1907.

В
42,17
I-Мир

Оттискъ изъ № 10 Богословскаго Вѣстника за 1907 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
809
63.

Печатать разрѣшается. Сентября 20 дня, 1907 г.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Евдокимъ*.

ОТКРОВЕНІЕ ВЪ ГРОЗѢ И БУРѢ.

1.

Этой весной появилась въ витринахъ книжныхъ магазиновъ странная, почти загадочная книга Н. Морозова „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“. Книга сразу обратила на себя всеобщее вниманіе. Въ какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ первое изданіе разошлось, и уже появилось второе, исправленное и дополненное. Съ перваго взгляда она чѣмъ-то уже поражала. Редакція „*Былого*“ издаетъ книгу объ *Апокалипсисѣ!* Это странно и непонятно. Еще страннѣе то, что русская публика въ пять мѣсяцевъ раскупаетъ 6000 экз. книги объ „Откровеніи“.

До сихъ поръ объ Апокалипсисѣ у насъ говорили „мистики“. И то, что они говорили, или было никому непонятно, или же было понятно весьма небольшому кругу лицъ. Что-то тянуло ихъ къ этому таинственнѣйшему изъ произведеній Библіи, они переживали въ немъ что-то особенное и несказанное. Но у нихъ не было силы и не было словъ, то, что открывалось имъ, передать другимъ. Они таили про себя свое пониманіе. Только одинъ разъ, почти съ пророческой силой было произнесено достойное слово объ Апокалипсисѣ—это „Повѣсть объ Антихристѣ“ Влад Соловьева. Онъ услышалъ, одинъ изъ первыхъ въ Россіи, приближеніе полноты временъ, услышалъ и прокричалъ, и его крикъ замеръ и потонулъ въ тишинѣ, какъ крикъ пѣтуха, кричащаго въ первую стражу ночи: разсвѣтъ приближается, но медленно, медленно. Предчувствіемъ приближенія озарены какъ бы свѣтомъ, исходящимъ изъ *того* міра, и стихотворенія Влад. Соловьева. Музыка конца нѣжнѣйшими переливами, но съ властной на-

стойчивостью звучитъ и во всей нашей новѣйшей поэзіи и съ особенной страстностью прорывается въ великихъ поэтическихъ начинаніяхъ А. Бѣлаго.

Но большинство, какъ и всегда, равнодушно относится къ этимъ новымъ порывамъ. Наша интеллигенція или ничего не знаетъ объ Апокалипсисѣ, или благочестиво считаетъ его по совѣту Рахметова (романъ Чернышевскаго „Что дѣлать?“) произведеніемъ сумасшедшаго. Нужно отдать справедливость: не смотря на всѣ свои достоинства средній русскій интеллигентъ въ вопросахъ религіи отличается величайшимъ невѣжествомъ. Если на Западѣ при отрицаніяхъ религіи считаютъ необходимымъ базироваться на весьма солидномъ (по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны) научномъ фундаментѣ и свое отрицаніе подтверждать цѣлымъ рядомъ тщательныхъ и кропотливыхъ изслѣдованій,—то у насъ подобную щепетильность считаютъ совершенно излишней. Коли религія—такъ за ней отрицаютъ начисто всякій смыслъ, и просто не желаютъ въ этой безсмыслицѣ отдавать себѣ научный или философскій отчетъ. У насъ отрицаніе религіи не разсудочное, а по преимуществу волевое, а потому, въ смыслѣ всякихъ аргументовъ и разумныхъ основаній, крайне слабое и часто дѣтски наивное. Что отцы наши вычитали у Фейербаха и Бюхнера, то до сихъ поръ еще въ нашемъ поколѣніи выдается за неопровержимые научные доводы противъ религіи. Вотъ почему сильныхъ теоретическихъ отрицаній религіи у насъ *совершенно* нѣтъ. Книга Н. Морозова является первой попыткой конкретнымъ изслѣдываніемъ подорвать одну изъ святынь нашей русской религіи. Говорю „нашей, русской“—потому что, кто оглянется на нашу исторію, тотъ увидитъ, что Апокалипсисъ въ ней игралъ какую-то исключительную роль. Можетъ быть изъ всѣхъ книгъ Библіи, „Откровеніе святого Іоанна“ сильнѣе всего врѣзалось въ душу народную и сильнѣе всего будоражило и занимало народную религіозную мысль. Антихристъ—это одна изъ самыхъ центральныхъ идей русскаго религіознаго міросозерцанія. Когда въ эпоху свирѣпыхъ гоненій, воздвигнутыхъ на раскольниковъ, въ сѣверныхъ лѣсахъ запылали массовыя самосожженія—имя Антихриста не случайно переходило изъ устъ въ уста. Только изъ боязни поклониться *ему* люди могли сожигать себя живьемъ. Секты наши почти всѣ при

образованіи своемъ руководятся той или иной мыслью объ Антихристѣ. Наконецъ, нигдѣ въ художественной литературѣ образъ Антихриста не занимаетъ такого громаднаго мѣста, какъ въ Россіи. Книга Н. Морозова, нападая на Апокалипсисъ, задѣваетъ такимъ образомъ самое чувствительное мѣсто нашей религіозности.

Чтожъ! Брошенный вызовъ мы принимаемъ. Морозовъ, съ телескопомъ въ рукахъ, астрономически опровергаетъ христіанскія иллюзіи объ Апокалипсисѣ. Мы, безъ телескопа, съ помощью одной только критической мысли попытаемся показать, насколько неустойчива, слаба и беззащитна позиція занятая Н. Морозовымъ. Газеты съ ликованіемъ встрѣтили книгу Н. Морозова. „Парусъ“ съ развязностью заявилъ, что до сихъ поръ „мы“ (кто это „мы“?) считали Апокалипсисъ произведеніемъ I-го вѣка, теперь же „неопровержимо“ доказано, что онъ написанъ въ концѣ четвертаго. Другая газета съ удовлетвореніемъ отмѣтила, что вокругъ „Откровенія въ грозѣ и бурѣ“ „образовалась уже цѣлая, правда, газетная литература“. Тѣмъ важнѣе, значитъ, критическимъ анализомъ разогнать туманъ этихъ доморощенныхъ и невѣжественныхъ признаній и свести книгу Н. Морозова на подобающее ей мѣсто.

Но прежде чѣмъ взять критическій ножъ въ руки, я не могу не сдѣлать небольшого отклоненія въ сторону.

2.

Н. Морозовъ начинаетъ свою книгу описаніемъ „чувствъ“. И я хочу предварить свой анализъ описаніемъ нѣсколькихъ чувствъ, волновавшихъ меня при чтеніи книги Н. Морозова. Этимъ установится правильная моральная перспектива на дальнѣйшую „критику“.

Съ *благоговѣніемъ* несъ я книгу Н. Морозова домой изъ книжнаго магазина. Что-бы въ ней ни утверждалось, какъ бы она ни была написана—въ нашей литературѣ она займетъ совершенно особое мѣсто, и читатели всегда будутъ къ ней относиться съ особеннымъ чувствомъ. Это—произведеніе *страдальца и мученика*. За каждой строчкой ея стоятъ страданія долголѣтняго одиночнаго заключенія. Велика сила духа Н. Морозова. Одинъ изъ немногихъ онъ остался несломленнымъ. Большинство его товарищей по заключенію не вы-

держали. Иные сошли съ ума. Иные насильственно свели счеты съ жизнью. До чего доходили люди, попадавшіе даже въ гораздо болѣе сносныя условія, свидѣтельствуетъ скорбная біографія С. И. Бардиной. Она два года сидѣла въ предварительномъ одиночномъ заключеніи и четыре года провела ссыльной въ Ишимѣ и вотъ, когда ей удалось убѣжать, когда она вырвалась на свободу, ускользнула отъ погони и „явилась среди ликующихъ товарищей“,—„она дѣлаетъ ужасное открытіе: она замѣчаетъ, что она *опустилась, ослабѣла, что она уже не та, чѣмъ была прежде*... И вотъ, полная ужаса и отчаянія, схватившись руками за покрытую холоднымъ потомъ голову, она произноситъ себѣ ужасный приговоръ: она—разбитый, она никуда больше негодный человѣкъ“... „Ничѣмъ невозможно было разогнать ея мрачнаго безнадежнаго отчаянія. Она махнула на себя рукой, она окончательно рѣшила, что она человѣкъ, погибшій для дѣла, и горькимъ смѣхомъ отвѣчала на увѣренія въ противномъ... Иногда она старалась бодриться, шутила, смѣялась. Но вдругъ среди разговора, глаза ея наполнялись слезами, и крупныя капли ихъ, одна за другой, падали изъ нихъ. Не разъ ее заставали рыдающей, уткнувъ лицо въ подушку“...

Кончилось это тѣмъ, что она *покончила съ собой*... А вѣдь Н. Морозовъ въ неволѣ, въ самыхъ ужасныхъ, отупляющихъ условіяхъ провелъ не шесть лѣтъ, а болѣе 20 лѣтъ! Только представить что это значитъ! Его стальная душа выдержала эту болѣе чѣмъ двадцати-лѣтнюю пытку. Все время онъ не прекращалъ научныхъ занятій, его мысль постоянно работала и онъ вынесъ изъ каменнаго мѣшка своего заключенія не только здоровую ясность и живость духа, но и нѣсколько крупныхъ трудовъ по математикѣ и химіи, и разбираемое „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ.“ Отъ скольких изъ нашихъ профессоровъ, гордыхъ своими толстенными диссертаціями, не осталось бы никакого воспоминанія, если бы они попали въ аналогичныя условія! Сколько бы нашихъ писателей, стяжающихъ лавры славы, были бы сломлены, раздавлены и обезпложены, еслибы имъ пришлось выдержать подобныя испытанія! Поистинѣ Н. Морозовъ долженъ быть признанъ совершенно исключительнымъ человѣкомъ даже среди выдающихся и крупныхъ людей.

У Н. Морозова натура творческая; его тянетъ слагать пѣс-

ни о своей неволѣ; его умъ вольнуютъ величественные замыслы. Совершенно не раздѣляя основной мысли „Откровенія въ грозѣ и бурѣ“, мы должны признать, что сама по себѣ, какъ чисто-психологическое явленіе, мысль астрономически объяснить Апокалипсисъ—является далеко не дюжинной. Среднимъ изслѣдователямъ подобныя мысли въ голову не приходятъ. Связанный по рукамъ и ногамъ, лишенный движенія, воздуха и свободы, Н. Морозовъ все же даетъ знать о себѣ, даетъ почувствовать, что крупное дарованіе, можетъ быть геній, задавлены въ немъ стѣнами Шлиссельбургской крѣпости.

3.

Основная мысль книги Н. Морозова заключается въ томъ, что „весь Апокалипсисъ представляетъ сплошную смѣсь астрологическихъ соображеній съ чрезвычайно поэтическими описаніями движеній и формъ различныхъ тучъ, которыя видѣлъ авторъ въ грозѣ, разразившейся 30 сентября 393 г. надъ островомъ Патмосомъ въ греческомъ архипелагѣ“.

Эта мысль такъ противорѣчитъ обычному представленію объ Апокалипсисѣ, что кажется сразу какой-то нелѣпостью, мистификаціей, или умышленнымъ парадоксомъ. Нужно привести предварительныя соображенія Н. Морозова, чтобы стало понятно, что онъ не фантазируетъ, а разсуждаетъ.

Самъ онъ очень живо передаетъ исторію своего „откровенія“. Поэтому буду придерживаться его собственныхъ словъ.

Еще до Шлиссельбургской крѣпости Н. Морозовъ нѣсколько разъ поражался странной формой, которую принимаютъ облака во время грозы.

„Однажды, когда я вышелъ въ срединѣ грозы, въ промежуткѣ между двумя ливнями, на открытое мѣсто, чтобы посмотрѣть на движенія и формы тучъ этого періода, я увидѣлъ на лазури отчасти прояснившагося неба, очень высоко вверху, но нѣсколько къ юго-востоку, длинный рядъ снѣжно-бѣлыхъ облаковъ, свернутыхъ спиралями въ видѣ охотничьихъ роговъ. Они быстро неслись другъ за другомъ, обозначая этимъ путь крутившагося вверху урагана, и вся ихъ спираль представляла очевидно центры вращенія соотвѣтственныхъ частей атмосферы, гдѣ вслѣдствіе внезапнаго раз-

ряженія воздуха выдѣлялись легкіе водяные пары. *Но внизу невольно казалось, что по небу летитъ вереница невидимыхъ ангеловъ*, трубящихъ среди грозы..."

Другой разъ, „послѣ августовской грозы, окончившейся къ закату солнца, когда весь западный край горизонта былъ уже покрытъ кровавой полосой вечерней зари, одна изъ послѣднихъ тучъ приняла чрезвычайно оригинальный видъ. На огненномъ фонѣ горизонта *сидѣла какая-то гордая женская фигура въ пышномъ багряномъ одѣяніи и держала въ вытянутой рукѣ чашу*, чрезвычайно похожую на тѣ, которыя употребляются въ церквахъ для причастія... Эта чаша казалась вылитой изъ золота, а сама женщина какъ будто была украшена со всѣхъ сторонъ золотистыми кружевами..."

У Н. Морозова поднимался вопросъ: „какія формы тучъ типичны для тѣхъ или другихъ грозъ?" Онъ „нигдѣ не находилъ подобныхъ описаній до тѣхъ поръ пока не попалъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости".

„Тамъ мнѣ семь мѣсяцевъ не давали читать ровно никакихъ книгъ, а потомъ вдругъ (сочтя меня уже достаточно подготовленнымъ религіозно) выдали для наставленія въ православной вѣрѣ старинную библію на французскомъ языкѣ, оставшуюся повидимому отъ декабристовъ. Она была помѣчена 1817 годомъ и мнѣ ее положили за недостаткомъ экземпляровъ русскаго изданія, розданныхъ другимъ товарищамъ. Какъ человѣкъ свободномыслящій, я сейчасъ же принялся изучать эту книгу какъ образчикъ древняго міровоззрѣнія и прежде всего началъ съ Апокалипсиса..."

„Подобно ботанику, который узнаетъ свои любимыя растенія по нѣсколькимъ словамъ ихъ описанія, тогда какъ для остальныхъ людей эти слова—пустые звуки, вызывающіе лишь неясные образы, я съ первой же главы вдругъ началъ узнавать въ апокалипсическихъ звѣряхъ на половину аллегорическое, а на половину буквально точное и притомъ чрезвычайно художественное изображеніе давно извѣстныхъ мнѣ грозовыхъ картинъ, а кромѣ нихъ еще замѣчательное описаніе созвѣздій древняго неба и планетъ въ этихъ созвѣздіяхъ. Черезъ нѣсколько страницъ для меня уже не оставалось никакого сомнѣнія, что истиннымъ источникомъ этого древняго пророчества была гроза и зловѣщее астрологическое расположеніе планетъ по созвѣздіямъ, эти старин-

ные знаки Божьяго гнѣва, принятые авторомъ, подъ вліяніемъ религіознаго энтузіазма, за знаменіе, спеціально посланные Богомъ въ отвѣтъ на его горячіе мольбы о томъ, чтобы указать ему хоть какимъ-нибудь намекомъ, когда же наконецъ, Іисусъ придетъ на землю...

„Авторъ этой книги внезапно всталъ передъ моими глазами, какъ человѣкъ съ глубоко любящимъ сердцемъ, и съ чрезвычайно отзывчивой и поэтической душой, но изстрадавшійся и измученный окружавшимъ его лицемѣріемъ, ханжествомъ и раболѣпствомъ современной ему христіанской церкви передъ „царями земными“.

„Съ первой же главы этотъ неизвѣстный Іоаннъ представился мнѣ погруженнымъ въ грустныя размышленія и одиноко сидящимъ на берегу острова Патмоса. Онъ ожидалъ вычисленнаго имъ на этотъ день (по употреблявшемуся тогда Сарросскому циклу) солнечнаго затмѣнія и старался опредѣлить, съ помощью астрологическихъ соображеній время ожидаемаго второго пришествія Христа,—не замѣчая надвигающейся сзади него грозы. Но вотъ внезапный свѣтъ солнца, прорвавшійся въ щелевидный промежутокъ между двумя несущимися одна надъ другой тучами вдругъ вывелъ его изъ забвенія и, быстро повернувшись, онъ увидѣлъ, то же самое разгнѣванное солнце, смотрящее на него изъ-за тучъ, которое разъ видѣлъ и я...

„Онъ въ ужасѣ палъ на колѣни, и все, что было потомъ стало представляться ему сплошнымъ рядомъ знаменій, посланныхъ для того, чтобы онъ записалъ и истолковалъ ихъ такъ, какъ подсказывало ему „божественное вдохновеніе“ т. е. тотъ порывъ энтузіазма, съ которымъ знакома всякая истинно-поэтическая душа, и который онъ считалъ за отголосокъ мыслей Бога въ своей собственной душѣ...

„По указаннымъ въ Апокалипсисѣ положеніямъ планетъ въ опредѣленныхъ созвѣздіяхъ зодіака я могъ вычислить астрономическимъ путемъ, а слѣдовательно и съ безусловной точностью, что описанная здѣсь гроза пронеслась надъ Патмосомъ въ воскресенье 30-го сентября 395 юліанскаго года. Вся книга, какъ стенографически точное воспроизведеніе картины неба, имѣвшей мѣсто только одинъ разъ за весь историческій періодъ времени, была несомнѣнно составлена по непосредственнымъ замѣткамъ этого же дня и ночи, и

окончательно написана въ слѣдующіе за тѣмъ дни, т. е. въ началѣ октября того же года...

„По этой датѣ и по самому содержанію книги оказалось нетруднымъ опредѣлить и личность ея автора. Это несомнѣнно былъ Іоаннъ Хризостомъ Антіохійскій, родившійся около 354 года, сосланный затѣмъ Императоромъ Аркадіемъ по рѣшенію собора епископовъ въ 403 г. и умершій въ изгнаніи въ 407 году".

Что касается даты, то она была провѣрена пулковскими астрономами; что же касается авторства Іоанна Златоуста, то оно подтверждается десятью соображеніями:

1. Автора звали Іоанномъ.
2. Онъ жилъ въ Малой Азіи, или около нея.
3. Онъ жилъ въ концѣ четвертаго вѣка.
4. Въ 395 г. онъ былъ не очень молодъ.
5. Онъ обладалъ недюжиннымъ литературнымъ талантомъ.
6. Его обычный языкъ былъ греческій.
7. Онъ родился въ богатой семьѣ.
8. Онъ получилъ блестящее по своему времени образованіе.
9. Онъ былъ христіанскимъ теологомъ.
10. Онъ былъ революціонеромъ и республиканцемъ, такъ какъ мечетъ громы и молніи на земныхъ царей.

Такимъ образомъ въ книгѣ Н. Морозова дѣлаются два опредѣленныхъ утвержденія.

Во первыхъ, Апокалипсисъ—это запись грозы, разразившейся надъ островомъ Патмосомъ 30 сентября 395 года.

Во вторыхъ авторомъ этой записи долженъ быть признанъ Іоаннъ Златоустъ.

Развитію и обоснованію этихъ двухъ утвержденій посвящена вся книга, имѣющая болѣе 300 страницъ.

Перейдемъ же теперь къ выясненію цѣнности и правдоподобности этихъ утвержденій.

Amicus Plato, magis amicus veritas! Критикѣ приходится быть безжалостной. Какъ хирургія она не должна считаться съ болью, которую она причиняетъ. Какъ ни тяжело, но нужно сказать, что въ *научномъ* отношеніи я считаю книгу Н. Морозова *недорозумѣніемъ*.

4.

Прежде чѣмъ перейти къ рѣшающимъ историческимъ даннымъ, установимъ два положенія.

Самъ Н. Морозовъ различаетъ въ своей книгѣ главное отъ второстепеннаго.

Въ предисловіи онъ говоритъ:

„Во всякомъ научномъ изслѣдованіи необходимо отличать основное отъ второстепеннаго. Въ настоящей книгѣ основнымъ является астрономическое вычисленіе времени возникновенія Апокалипсиса. Новый методъ опредѣленія времени, приложенный къ старой книгѣ, привелъ какъ это часто бывало къ неожиданному открытію. И годъ и день и самый часъ наблюденія Іоанна оказались опредѣленными съ астрономической точностью. Какъ послѣдствіе этого, явился и другой выводъ, что Апокалипсисъ написанъ знаменитымъ борцомъ противъ византійскаго религіознаго и политическаго абсолютизма, ниспровергателемъ императорскихъ статуй Іоанномъ Антіохійскимъ, называемымъ Хризостомомъ или Златоустомъ. Но если читатель и не согласится съ этимъ послѣднимъ выводомъ и пожелаетъ пріискать другого автора,— все равно. Искать ему придется въ томъ же самомъ 395 г., который даетъ намъ астрономическое вычисленіе“.

Главное, такимъ образомъ, *дата*: 395 годъ. Второстепенное— авторство Іоанна Златоуста, при чемъ авторство Іоанна Златоуста ставится въ логическую зависимость отъ даты. Ибо оно является *выводомъ* изъ этой даты.

Въ книгѣ Н. Морозова вызываетъ недоумѣніе масса мелочей и деталей. Спорными кажутся рѣшительно всѣ соображенія. Но я на второстепенномъ не буду останавливаться, а всю критику сосредоточу на томъ, что самимъ Н. Морозовымъ считается главнымъ. Если Апокалипсисъ написанъ не въ 395 г., всѣ второстепенныя соображенія и выводы отпадаютъ сами собой.

Посмотримъ же какія основанія у Морозова останавливаться на этомъ годѣ.

Н. Морозовъ нѣсколько разъ напираетъ на то, что дата— 395-й годъ получается *астрономическимъ* путемъ. Астрономія наука весьма точная. Въ извѣстномъ смыслѣ ея выводы такъ же абсолютно безошибочны какъ выводы математики. И ужъ если астрономія авторитетно заявляетъ о 395 годѣ— тогда дѣйствительно спорить нечего. Тогда остается только смириться и преклониться. Но такъ ли это?

Н. Морозовъ говоритъ:

Дату, т. е. 395-ый годъ „дало намъ астрономическое вычисленіе. Пока оно не поколеблено, *а это трудно сдѣлать послѣ провѣрочныхъ вычисленій М. М. Каменскаго и Н. М. Лямина въ Пулковѣ,—фундаментъ настоящаго изслѣдованія остается прочнымъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ, останутся прочными и всѣ существенныя надстройки".

Чтожъ это за вычисленіе?

„Вычисленія эти, говоритъ Н. Морозовъ, я первоначально произвелъ исходя изъ такъ называемыхъ геліоцентрическихъ положеній каждой изслѣдуемой планеты, т. е. изъ мѣстъ, гдѣ она видна, если бы смотрѣть на нее изъ центра солнца. Затѣмъ я переходилъ путемъ тригонометрическихъ выкладокъ къ ея геоцентрическимъ положеніямъ, т. е. къ тому, гдѣ эта планета была видна въ данное время съ нашей земли. Черезъ нѣсколько недѣль вычисленій этимъ утомительнымъ путемъ я нашелъ, что за всѣ первые восемь вѣковъ нашей эры звѣздное небо не представляло съ о-ва Патмоса *такой картины, какая описана Іоанномъ*, за исключеніемъ одного единственнаго случая: вечера 30 сентября 395 года по Юліанскому стилю" (стр. 134).

Уже эта выписка даетъ возможность нащупать слабое мѣсто книги Н. Морозова.

Н. Морозовъ незамѣтно для себя и для читателя сливаетъ въ одно два принципіально различающихся утвержденія:

Что, во первыхъ, астрономическимъ путемъ можно установить, что *извѣстное* расположеніе планетъ съ острова Патмоса было видно за первые восемь вѣковъ только 30 сентября 395 года и что, *во вторыхъ*, Апокалипсисъ дѣйствительно *представляетъ запись* этого расположенія планетъ.

Если первое утвержденіе, какъ покоящееся на астрономически точныхъ вычисленіяхъ, должно быть признано безспорнымъ, то второе утвержденіе, по самой логической природѣ своей, никакому астрономическому обоснованію подлежать *не можетъ*. Представляетъ ли Апокалипсисъ дѣйствительную запись грозы и извѣстнаго расположенія планетъ, или же не представляетъ—это вопросъ экзегетики и текстуальнаго анализа, *вопросъ филологіи, а не астрономіи*. Правъ Н. Морозовъ, или не правъ въ своемъ толкованіи Апокалипсиса (это мы увидимъ ниже), во всякомъ случаѣ безспорно ясно одно:

Его толкованіе обладаетъ только филологической достовѣр-

ностью, а никакъ не астрономической. Астрономія устанавливаетъ какъ безспорный фактъ только то, что извѣстное расположеніе планетъ было видно съ острова Патмоса 30 сентября 395-го года. Для того, чтобы этотъ *голый* и никакого отношенія къ Апокалипсису не имѣющій фактъ положить въ основу филологическаго истолкованія Апокалипсиса, для этого нужно сдѣлать добавочныя (уже *не* астрономическія) утвержденія, что то или иное мѣсто Апокалипсиса нужно понимать такъ-то, а не такъ-то. Эти утвержденія, будучи по необходимости филологическими, во-первыхъ, не могутъ обладать даже точностью и абсолютной достовѣрностью утвержденій астрономіи, а, во-вторыхъ, для того чтобы быть принятыми, должны быть подкрѣплены *филологически достаточными* основаніями.

Этимъ уничтожается характеръ абсолютной точности, который Н. Морозовъ хотѣлъ бы придать своему изслѣдованію. Онъ говоритъ: „время возникновенія книги Іоанна записано такъ сказать неизгладимыми буквами на самомъ небѣ, котораго еще никто не имѣлъ возможности поддѣлать для подтвержденія своихъ взглядовъ“ (146 стр.). Но изъ вышеприведеннаго слѣдуетъ, что „на самомъ небѣ“ „неизгладимыми буквами“, записана только картина неба надъ Патмосомъ 395-го года, а не „возникновеніе книги Іоанна“. О томъ же, что эта картина имѣетъ какое-то отношеніе къ книгѣ Іоанна,—написано не на небѣ“, а только въ книгѣ Н. Морозова, и не „неизгладимыми буквами“, а самыми обыкновенными типографскими чернилами. Морозовъ же абсолютную, астрономическую точность своего перваго утвержденія, совершенно незаконно, некритично и необоснованно переноситъ на второе. Получается аберрація, которую не замѣчаетъ даже онъ самъ, потому что, если бы онъ замѣтилъ, онъ не могъ бы ссылаться нѣсколько разъ на провѣрочныя вычисленія Пулковскихъ астрономовъ, ибо и эти вычисленія подтверждаютъ *только* его первое (согласимся) безспорное положеніе.

Такимъ образомъ, *астрономическая* доказательность основнаго утвержденія въ книгѣ Н. Морозова уничтожается. Остается только *филологическая.*

Теперь посмотримъ, насколько правильно филологически толкуетъ Н. Морозовъ наиболѣе нужныя ему мѣста Апокалипсиса.

5.

Если бы соображенія Н. Морозова (какъ онъ хочетъ представить) носили дѣйствительно астрологическій характеръ, мы не считали бы себя вправѣ въ нихъ вмѣшиваться и ставить ихъ подъ сомнѣнія. Но такъ какъ въ нихъ незамѣтно для самого Н. Морозова внесена значительная доля „филологизма“ —то мы позволимъ себѣ проанализировать методъ „вычисленій“ Н. Морозова, выдѣлить изъ него всѣ элементы не астрономическаго „филологизма“ и опредѣлить цѣнность и качество этого послѣдняго.

На чемъ основаны „вычисленія“, въ результатѣ которыхъ получается 395-й годъ?

Н. Морозовъ приводитъ цифровую таблицу (III-ю), которая показываетъ „что въ продолженіе первыхъ четырехъ вѣковъ нашей эры *одновременное пребываніе Сатурна въ Скорпіонѣ и Юпитера въ Стрѣльцѣ въ осеннее время было только въ 4-мъ вѣкѣ въ 395 году*“.

„Присмотритесь къ этой таблицѣ, говоритъ Н. Морозовъ, и вы замѣтите въ ней очень любопытную вещь: во всѣ три съ четвертью столѣтія послѣ Рождества Христова не было одного случая, когда Юпитеръ оказался бы въ Стрѣльцѣ одновременно съ пребываніемъ Сатурна въ Скорпіонѣ, *какъ это требуется въ главѣ 6 (стихъ 8 и 2) Апокалипсиса.* Каждый годъ, когда Сатурнъ оказывался въ Скорпіонѣ, Юпитера не было въ Стрѣльцѣ и наоборотъ!

„Только въ 336 г. мы въ первый разъ встрѣчаемъ слабый намекъ на такое совпаденіе, но и эта дата не пригодна, такъ какъ при болѣе детальномъ опредѣленіи оказалось, что въ 336 году Юпитера уже вышелъ изъ плаща Стрѣльца и находится въ промежуткѣ между нимъ и Козерогомъ. Положеніе Марса тоже оказалось неудовлетворительнымъ для этого года и только 395-ый годъ за всѣ четыре вѣка оказался *вполнѣ точно приспособленнымъ для Апокалипсиса.*

„*Значитъ* буря съ землетрясеніемъ, о которой здѣсь говорится, пронеслась около 30 сентября 395 юліанскаго года и и не могла быть даже на нѣсколько дней ранѣе или позднѣе этой даты“.

Читатель! обратите вниманіе на подчеркнутыя мѣста. Вся книга Н. Морозова, со всѣми ея выводами и доказатель-

ствами, цѣликомъ базируется на этихъ мѣстахъ. Центральный пунктъ утвержденій Н. Морозова—395-ый годъ—устанавливается *одновременнымъ пребываніемъ Сатурна въ Скорпіонѣ и Юпитера въ Стрѣльцѣ*. Другихъ основаній нѣтъ. Одновременное же пребываніе Сатурна въ Скорпіонѣ и Юпитера въ Стрѣльцѣ *требуется стихомъ 8-мъ и стихомъ 2-мъ шестой главы Апокалипсиса*. Другихъ основаній нѣтъ.

Такимъ образомъ, два утвержденія Н. Морозова, на которыя мы въ предыдущей главѣ расчленили основную мысль „Откровенія въ грозѣ и бурѣ“, принимаютъ болѣе отчетливую форму.

Основной силлогизмъ книги Н. Морозова можетъ быть выраженъ въ такомъ безусловно ясномъ видѣ.

1. Одновременное пребываніе Сатурна въ Скорпіонѣ и Юпитера въ Стрѣльцѣ за первые четыре вѣка было только 30-го сентября 395-го года (Maior).

2. Въ Апокалипсисѣ, въ шестой главѣ, въ стихѣ 8-мъ и 2-мъ говорится именно объ этомъ одновременномъ пребываніи (Minor).

3. Ergo, Апокалипсисъ написанъ въ 395-мъ году (Conclusio).

Утвержденіе большой посылки носитъ дѣйствительно астрономическій характеръ. Признаемъ его безспорнымъ (хотя въ скобкахъ скажу, что и здѣсь кажется сомнительнымъ одинъ пунктъ: почему въ таблицѣ Ш-ей говорится, что „одновременное пребываніе Сатурна въ Скорпіонѣ и Юпитера въ Стрѣльцѣ въ *осеннее время* было только въ 4-мъ вѣкѣ“? Значитъ, не въ осеннее время это „одновременное пребываніе“ было не только въ 395-мъ году? Но тогда почему же останавливаться на осеннемъ времени?).

Что же касается утвержденія малой посылки, то въ неастрономическомъ характерѣ его сомнѣваться уже нельзя. Можно только спросить, на чемъ оно основано? Это вопросъ наиболѣе критическій. Большая посылка принята. Если будетъ принята и малая, то заключенія не принять мы даже не можемъ. *Вся доказательность всѣхъ утвержденій Н. Морозова заключается въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ*. Итакъ: говорится ли въ Апокалипсисѣ объ „одновременномъ пребываніи Сатурна въ Скорпіонѣ и Юпитера въ Стрѣльцѣ“? Раскроемъ 6-ую главу Апокалипсиса и прочтемъ стихъ 8-ой и стихъ 2-ой, которые указываются Н. Морозовымъ.

Вотъ слова Откровенія:

„И я взглянулъ, и вотъ конь блѣдный, и на немъ всадникъ, которому имя смерть; и адъ слѣдовалъ за нимъ, и дана ему власть надъ четвертой частью земли умерщвлять мечемъ и голодомъ, и моромъ, и звѣрями земными“ (VI гл. ст. 8).

Καὶ εἶδον, καὶ ἰδού, ἵππος χλωρὸς, καὶ ὁ καθήμενος ἐπάνω αὐτοῦ ὄνομα αὐτῷ ὁ θάνατος, καὶ ὁ ᾅδης ἀκολουθεῖ μετ' αὐτοῦ· καὶ ἐδόθη αὐτοῖς ἐξουσία ἀποκτεῖναι ἐπὶ τὸ τεταρτὸν τῆς γῆς ἐν ῥομφαίᾳ καὶ ἐν λίμῳ καὶ ἐν θανάτῳ καὶ ὑπὸ τῶν θηρίων τῆς γῆς.

„И я взглянулъ, и вотъ конь бѣлый, и на немъ всадникъ, имѣющій лукъ, и данъ былъ ему вѣнецъ, и вышелъ онъ, какъ побѣдоносный, и чтобы побѣдить“ (VI гл. ст. 2).

Καὶ εἶδον, καὶ ἰδοὺ ἵππος λευκὸς καὶ ὁ καθήμενος ἐπ' αὐτῷ ἔχων τόξον, καὶ ἐδόθη αὐτῷ στέφανος, καὶ ἐξῆλθε νικῶν καὶ ἵνα νικήσῃ.

Согласитесь, что нужно имѣть какое-то особое зрѣніе, чтобы въ этихъ словахъ, не имѣющихъ въ себѣ даже слабаго намека, вычитать „одновременное пребываніе Сатурна въ Скорпіонѣ и Юпитера въ Стрѣльцѣ“. Это чудовищно непонятно! Вѣдь такую же манипуляцію можно продѣлать съ кѣмъ угодно и съ чѣмъ угодно.

Извѣстно, напр., что Пушкинъ свою „Полтаву“ написалъ въ 1828 году. Но вѣдь подобно Н. Морозову можно эту дату подвергнуть сомнѣнію и заявить: „Полтава написана въ 40-мъ г. и не Пушкинымъ, а Лермонтовымъ, ибо въ Полтавѣ есть стихи:

„Кто при звѣздахъ, кто при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ“.

Эти стихи обозначаютъ пребываніе Марса въ Козерогѣ, а такъ какъ такое пребываніе, по даннымъ астрономіи, могло наблюдаться въ Россіи только въ сентябрѣ 1840 года—то, значитъ, съ полной несомнѣнностью и, главное, съ астрономической точностью годомъ написанія „Полтавы“ нужно считать не 1828, а 1840-ой!..

Н. Морозову кажется, что, съ одной стороны, конь, блѣдный и обозначаетъ Сатурна, а всадникъ, имя которому смерть—Скорпіона, а съ другой, конь бѣлый обозначаетъ Юпитера, а всадникъ, имѣющій лукъ — это созвѣздіе Стрѣльца; но спрашивается, мало ли что людямъ можетъ казаться? Гдѣ

основанія? Гдѣ хотя бы слабая тѣнь какого-нибудь доказательства? Н. Морозовъ въ своемъ (черезчуръ!) вольномъ переводѣ Апокалипсиса такъ и переводитъ коня блѣднаго Сатурномъ и коня бѣлаго Юпитеромъ—но вѣдь бываютъ переводы еще смѣлѣе. У насъ въ классѣ одинъ вызванный ученикъ Romae—перевелъ „въ Крымѣ“ потому что ему подсказывали „въ Римѣ“, а ему послышалось „въ Крымѣ“. Но за такой переводъ онъ получилъ *единицу*. Н. Морозовъ же завѣдомо ложный и ни на чемъ не основанный переводъ *кладетъ въ основу всего своего изслѣдованія!* Можно теперь оцѣнить по достоинству объективную доказательность разсужденій Н. Морозова. Всѣ построенія его зиждутся на этой странной ошибкѣ. Если „конь блѣдный“ не обозначаетъ Сатурна, а „конь бѣлый“—Юпитера (а это такъ и есть), то ужъ нужно распроститься и съ 395-мъ годомъ, и съ авторствомъ Іоанна Златоуста, и съ тѣми 10-ью основаніями, которыя авторство это подтверждаютъ.

6.

Можетъ быть, скажутъ: „Хорошо, пусть нѣтъ никакихъ *положительныхъ* основаній понимать подъ конемъ блѣднымъ Сатурна, а подъ конемъ бѣлымъ Юпитера—но вѣдь нѣтъ и основаній *противъ* такого пониманія. Въ такомъ случаѣ книга Н. Морозова, будучи совершенно необоснованной объективно, остается тѣмъ не менѣе геніальной догадкой, можетъ быть, справедливой и вѣрной“. Нѣтъ! Основанія противъ есть.

Если блѣдный конь—Сатурнъ, а бѣлый—Юпитеръ,—тогда за Апокалипсисомъ придется совершенно отрицать характеръ *видѣнія*. Передъ Іоанномъ неслись не кони, о которыхъ говоритъ онъ съ такой живописною ясностью, а мерцали тихимъ свѣтомъ, никуда не двигаясь планеты. И разъ такъ, то не глазами своими въ нихъ видѣлъ онъ то, что писалъ въ своей книгѣ, а разсудочнымъ вычисленіемъ соображалъ, что̀ значитъ то расположеніе планетъ, которое онъ видѣлъ. Такъ Н. Морозовъ въ своемъ „переводѣ“ и представляетъ дѣло:

„Я *сообразилъ* (положеніе звѣздъ), и вотъ въ томъ самомъ, и находится (по астрологическому разсчету) ярко-бѣлый конь (Юпитеръ)...“

Въ подлинникѣ же сказано:

„И я *взглянулъ*, и вотъ ~~конь~~ конь бѣлый“...

Это уже не ложное толкованіе текста—это произвольное искаженіе *контекста*. Очевидно, контекстъ говоритъ даже противъ возможности Морозовскаго толкованія, если его приходится *передѣлывать*“).[1]

Въ контекстѣ никакимъ астрономическимъ разсчетамъ мѣста нѣтъ. Контекстъ весь, *съ первой строчки до послѣдней*, говоритъ, что авторъ Апокалипсиса во время видѣнія, ему посланнаго, находился въ экстатическомъ состояніи. Онъ *слышитъ голоса*, которые ему говорятъ опредѣленныя слова (это сохраняется даже въ „переложеніи“ Н. Морозова). Онъ *видитъ* несущіеся передъ нимъ огненно-яркіе образы. Во всемъ Апокалипсисѣ нѣтъ и намека на какое-нибудь разсужденіе. Чтожъ у Морозова получается? Іоаннъ сидитъ на берегу и ожидаетъ затмѣнія. Вдругъ слышитъ голосъ (откуда?), который ему говоритъ пиши то-то и то-то малоазіатскимъ церквамъ. Онъ слушаетъ этотъ голосъ, запоминаетъ его слова (пусть будетъ все это галлюцинаціей, но вѣдь для галлюцинирующаго Іоанна это былъ *голосъ Самого Бога!*) и потомъ, ничего не видя, пускается въ астрологическія умствованія по поводу Сатурна въ Стрѣльцѣ; потомъ снова слышитъ голосъ (опять не чей-нибудь, а голосъ Бога) и опять, ничего не видя, пускается въ умствованіе по поводу Юпитера въ Скорпіонѣ и т. д. и т. д. Это жъ психологическая белиберда! Въ подобной реконструкціи психологическаго состоянія автора Апокалипсиса нѣтъ явно ни ладу, ни складу. Пусть Н. Морозовъ повѣритъ, что если *вѣрующій* человѣкъ чувствуетъ близость Бога—то ни на какія умствованія онъ уже не способенъ. Умствуютъ, когда не видятъ, а когда видятъ, созерцаютъ и горятъ. Умствованіе есть состояніе духовнаго голода, когда жуешь за неимѣніемъ пищи свой

---

[1]) Кстати, нѣсколько словъ о языкѣ Апокалипсиса. Если онъ написанъ въ 395 году—то онъ долженъ быть написанъ *греческимъ языкомъ 4-го вѣка*, т е. такимъ языкомъ, въ которомъ во всякомъ случаѣ совершенно отсутствуютъ *еврейскія* вліянія. Между тѣмъ авторитетный семитологъ и знатокъ еврейскаго языка Э. Ренанъ говоритъ про языкъ Апокалипсиса слѣдующее: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Апокалипсисъ написанъ по - гречески; но этотъ слогъ *какъ бы списанъ съ еврейскаго, продуманъ по еврейски, можетъ быть понятъ и прочувствованъ только тѣмъ, кто знаетъ еврейскій языкъ*. Авторъ .. знакомъ съ греческой версіей священныхъ книгъ; *но отдѣльные отрывки изъ библейскихъ произведеній стоятъ передъ его глазами въ еврейскомъ текстѣ*“ *„Антихристъ“, стр. 22.*

собственный языкъ; а когда въ религіозномъ отношеніи что-нибудь *видишь*,—тогда непосредственно этимъ питаешься. Въ состояніи экстаза, когда слышишь голоса,—умствовать не зачѣмъ. Такимъ образомъ, контекстъ говоритъ противъ филологическихъ натяжекъ Н. Морозова.

Конечно Н. Морозовъ можетъ сказать, что, находясь въ экстатическомъ состояніи, авторъ Апокалипсиса *смотрѣлъ* на планету Юпитера и *видѣлъ* ярко-бѣлаго коня и всадника, въ рукахъ котораго былъ лукъ. Но спрашивается, къ чему жъ тогда планета Юпитеръ? Если смотря на нее Іоаннъ *могъ видѣть коня*, то вѣдь онъ отлично могъ видѣть этого самого коня, и не смотря на планету Юпитера. Вѣдь слышалъ же онъ голоса, хотя ему никто (по Морозову) ничего не говорилъ? Почему жъ ему не видѣть видѣній, которыя не возбуждались никакими объективными (т. е. внѣ организма Іоанна лежащими) причинами?

Я не могу удержаться, чтобъ не сдѣлать здѣсь слѣдующаго утвержденія. Для христіанъ очень важно знать и быть увѣренными, что Апокалипсисъ написанъ Апостоломъ Іоанномъ и значитъ въ I-мъ вѣкѣ. Это придаетъ Апокалипсису характеръ совсѣмъ особой авторитетности. Но имѣютъ ли видѣнія, которыя описываются въ Апокалипсисѣ какую нибудь астрономическую или темпестологическую подкладку—это совершенно не важно. Представимъ себѣ, что во время видѣнія, дѣйствительно разразилась гроза и пронеслась буря надъ Патмосомъ. Апостолъ Іоаннъ все же въ экстатическое состояніе пришелъ не отъ грозы, а отъ того, что ему открывалось во время этой грозы. Пусть даже облака принимали форму Великой Блудницы, Звѣря, пусть даже громъ гремѣлъ и трубилъ, *Апостолъ* видѣлъ не внѣшнія формы, а воспринималъ внутреннюю сущность. Все, что онъ написалъ въ „Откровеніи“—онъ *видѣлъ* и *слышалъ*, и ангеловъ трубящихъ и звѣрей снимающихъ печати и Іерусалимъ сходящій съ неба—все до мельчайшей подробности и, все же, въ то время, какъ все это ему открывалось—мы не отрицаемъ—природа вокругъ его могла придти совсѣмъ въ особое состояніе. Для вѣрующихъ природа жива и имѣетъ душу. Если поэтъ въ минуту вдохновенія *говоритъ:*

Не то, что мните вы, природа,—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:

Въ ней есть *душа,* въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть *языкъ*“,—

то вѣрующіе, въ минуту религіознаго подъема, природу такъ *видятъ* и знаютъ, *что это такъ*. Можно ли послѣ этого отрицать, что живая природа, движимая волей Господней, могла сказать ап. Іоанну *своимъ языкомъ* то, что должна была сказать? И если бы кто-нибудь путемъ астрономическихъ данныхъ показалъ, что въ I-мъ столѣтіи (время, когда написанъ Апокалипсисъ), въ то время какъ Ап. Іоаннъ видѣлъ свои видѣнія, надъ островомъ Патмосомъ дѣйствительно пронеслась гроза и буря и было землетрясеніе,—это нисколько бы не измѣнило нашего отношенія къ Апокалипсису. Видѣлъ ли ап. Іоаннъ все, что написано въ Апокалипсисѣ „въ духѣ“, т. е. такъ, что кругомъ него было все спокойно, или же *и самъ онъ былъ „въ духѣ“, и природа кругомъ затрепетала и заговорила такъ*, какъ она ни съ кѣмъ ни до, ни послѣ него не говорила—все равно,—все, что онъ видѣлъ и записалъ,—есть *Откровеніе*. Я хочу этимъ сказать, что еслибъ Н. Морозовъ не остановился на 395 годѣ, а всѣ свои разсужденія пріурочилъ къ дѣйствительному времени возникновенія Апокалипсиса (къ I-му столѣтію), *и тогда* его астрономическія выкладки для вѣрующихъ въ смыслѣ отрицанія не имѣли бы никакого значенія. Такимъ образомъ въ смыслѣ отрицаній „христіанскихъ иллюзій“ важенъ исключительно 395-ый годъ. Но мы видѣли, что у Н. Морозова *нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній* останавливаться на этомъ годѣ. Вся книга его пріурочена къ этой датѣ. Всѣ соображенія находятся въ логической зависимости отъ нея. И разъ дата ничѣмъ не подтверждается и въ буквальномъ смыслѣ *виситъ въ воздухѣ*—то и вся книга цѣликомъ должна быть признана лишенной какой бы-то ни было научной цѣнности и объективной, доказательной силы.

7.

Самъ Н. Морозовъ такъ крѣпко вѣритъ въ астрономическую точность своихъ соображеній, что въ „заключеніи“ говоритъ:

„Еслибъ противъ этой даты были цѣлыя горы древнихъ манускриптовъ, то и тогда бы ихъ всѣхъ пришлось считать подложными.

„Но на самомъ дѣлѣ мы не имѣемъ о ней за первые четыре вѣка никакихъ серьезныхъ свѣдѣній, кромѣ десятка взаимно опровергающихъ другъ друга цитатъ, голословно приписываемыхъ тому или другому изъ христіанскихъ епископовъ и дошедшихъ до насъ въ копіяхъ средневѣковыхъ монаховъ".

Въ первомъ изданіи за этими, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательными, словами ничего не слѣдовало. Во второмъ же Н. Морозовъ счелъ нужнымъ усилить ихъ особымъ прибавленіемъ, въ которомъ собралъ нѣсколько цитатъ изъ древнихъ авторовъ, ставшихъ извѣстными Н. Морозову, благодаря розыскамъ нѣкоего Б. Ф. Павлова. Это прибавленіе мы сейчасъ разберемъ, а пока остановимся на только что приведенныхъ словахъ Н. Морозова.

Они поражаютъ. Поражаютъ высокомѣріемъ естественника, презирающаго всѣ другія науки, кромѣ естественныхъ, отрицающаго всякое ихъ значеніе, только потому, что онъ съ ними не знакомъ. Еслибъ Морозовъ съ полной ясностью зналъ, горы *какихъ* древнихъ манускриптовъ говорятъ противъ 395 года—онъ обязанъ былъ бы, по долгу изслѣдователя, подвергнуть сомнѣнію, поставить подъ вопросъ,— не астрономію, конечно, не точность и обязательность ея выводовъ, а *свои собственныя, мнимо-астрономическія* разсужденія, которыя покоятся на ничѣмъ не обоснованномъ филологическомъ толкованіи 6-й главы Апокалипсиса. Но Н. Морозовъ, какъ естественникъ, совершенно игнорируетъ филологію и историческую критику и предпочитаетъ впасть въ свою странную, элементарную ошибку, нежели опуститься до унизительныхъ счетовъ съ какими-то „древними манускриптами". Онъ бѣгло намекаетъ на что-то. Онъ говоритъ, что манускрипты дошли до насъ „въ копіяхъ средневѣковыхъ монаховъ", что напечатаны они были только въ XVI и XVII вѣкахъ. Но что онъ хочетъ сказать этимъ? Развѣ по отношенію ко всей древности, рѣшительно ко всѣмъ древнимъ авторамъ, начиная съ Гомера и кончая какимъ-нибудь Маркомъ-Аврелiемъ, *мы не находимся точно въ такомъ же положеніи*? Усумниться въ тѣхъ манускриптахъ, которыя говорятъ объ Апокалипсисѣ,—это значитъ усумниться во *всѣхъ* манускриптахъ, которыя намъ остались отъ древности, ибо всѣ критики, всѣ филологи единогласно утвер-

ждаютъ, что эти манускрипты *ничѣмъ качественно* (въ смыслѣ сохранности текста, принадлежности къ извѣстнымъ эпохамъ и авторамъ) не отличаются отъ манускриптовъ другихъ. Объявляя говорящіе объ Апокалипсисѣ документы подложными, Н. Морозовъ, долженъ былъ бы сознать, что онъ своей датой задѣваетъ *всю* филологію и *всѣ* основанныя на ней науки о древности. Онъ объявляетъ поединокъ всѣмъ многочисленнымъ филологамъ и историкамъ XVIII и XIX вѣка. Но тогда ограничиваться общими и бѣглыми фразами, не привести рѣшительно ни одного соображенія о возможности подлога и искаженія всѣхъ документовъ древности—это значитъ противъ бетонныхъ укрѣпленій современныхъ историческихъ методовъ выходить съ допотопнымъ деревяннымъ тараномъ. Было смѣшно и нелогично, когда правильность Коперниковой теоріи отрицали на томъ *не астрономическомъ* основаніи, что въ Библіи имѣются противорѣчащіе этому тексты. Но еще смѣшнѣе и нелогичнѣе отрицать филологическую удостовѣренность принадлежности Апокалипсиса къ I-му вѣку какими-то ссылками на то, что Ляпинъ и Каменскій, астрономы Пулковской обсерваторіи, согласны съ Н. Морозовымъ, что Юпитеръ въ Стрѣльцѣ и Сатурнъ въ Скорпіонѣ были видны одновременно съ о. Патмоса только 30 сентября 395 года? Еслибъ въ книгѣ М. Морозова содержалась эссенція чисто-астрономической мысли, тогда бы, дѣйствительно, ни съ какой филологіей, ни съ какими данными исторической критики онъ вовсе не долженъ былъ бы считаться; но если выкладки его—безпринципная и неосознанная *смѣсь* астрономическихъ вычисленій съ филологическими толкованіями, если, подъ мнимымъ прикрытіемъ астрономической несомнѣнности, онъ съ полной произвольностью филологизируетъ и критицизируетъ, какъ филологъ и критикъ, не имѣющій подъ собой никакой филологической почвы,—передъ нимъ сразу встаетъ четырехсотлѣтняя работа филологовъ, какъ грозное укрѣпленіе и говоритъ: сюда можно войдти только черезъ изученіе, черезъ филологію и исторію, а не черезъ фантазію и произволъ.

Насколько Н. Морозовъ знакомъ съ исторической и филологической стороной предмета, которому посвящаетъ онъ книгу, показываетъ тотъ удивительный фактъ, что въ вышеприведенныхъ *шести* строчкахъ Н. Морозова встрѣчаются

двѣ совершенно явныхъ фактическихъ *ошибки*. Во первыхъ, мѣста изъ древнихъ писателей, говорящихъ объ Апокалипсисѣ, не противорѣчатъ другъ другу и не опровергаютъ другъ друга (это будетъ ясно изъ дальнѣйшаго), какъ это утверждаетъ Н. Морозовъ. Во вторыхъ, мѣста эти приводятся не у епископовъ только, и Іустинъ Философъ, напр., былъ частнымъ лицомъ и не занималъ никакой оффиціальной должности въ Церкви; точно также Тертуліанъ, Климентъ, Оригенъ никогда епископами не были. Это—частность, конечно; но частность характерная, показывающая, что вопросъ о „древнихъ манускриптахъ"—для Н. Морозова terra incognita.

Н. Морозовъ самъ почувствовалъ неловкость своего голословнаго утвержденія о „подложности документовъ". Для очистки совѣсти во второмъ изданіи онъ помѣстилъ рядъ цитатъ, которыя, по мысли Н. Морозова, послѣ появленія его книги, должны считаться подложными. Но отъ этого неловкость не уменьшилась, а разрослась. Представьте себѣ, что я написалъ бы книгу, въ которой на основаніи филологическихъ данныхъ выставилъ положеніе, что въ безвоздушномъ пространствѣ тѣла различной плотности вовсе не падаютъ съ одинаковой скоростью. И потомъ, въ прибавленіи къ своей книгѣ, помѣстилъ бы рядъ выписокъ изъ курсовъ физики Jamin'a, Хвольсона, Краевича и Малинина, которыя бы говорили какъ разъ обратное тому, что я филологически нафантазировалъ въ своей книгѣ? Для физиковъ отъ этого прибавленія было бы ясно, что я фантазирую не только потому, что я съ физикой не знакомъ, но и потому, что я не *хочу* вовсе ея понимать. Положеніе Н. Морозова очень близко къ этому. Въ прибавленіе къ своей астрономической фантазіи онъ помѣстилъ тѣ выписки изъ манускриптовъ, которыя въ корнѣ подрываютъ его разсужденія, тѣ данныя филологіи, которыми книга его изобличается въ фантастичности. Широкая публика, конечно, можетъ быть введена этимъ въ обманъ, но люди, способные къ критической мысли, могутъ только изумиться: какъ могъ Н. Морозовъ печатать свои фантазіи, имѣя передъ глазами данныя, которыя говорятъ, что это *только* фантазіи? Отъ того, что Н. Морозовъ *механически припечаталъ* къ своей книгѣ прибавленіе съ выписками, вовсе не получается и не можетъ получиться *органическаго* соединенія двухъ столь взаимно опровергающихъ

данныхъ: между всей книгой Н Морозова и ея Ш приложеніемъ остается ничѣмъ не заполненной *зіяющая пропасть*. Книга отрицаетъ приложеніе, приложеніе отрицаетъ книгу.

Теперь подойдемъ ближе къ приложенію и разсмотримъ, что въ немъ утверждается.

8.

Объ Апокалипсисѣ говорится у многихъ изъ дошедшихъ до насъ авторовъ, которые писали и жили за много десятковъ лѣтъ до 395-го года. Н. Морозовъ приводитъ въ своемъ прибавленіи не всѣхъ авторовъ и не всѣ цитаты. Но все же, даже и то, что приводится въ книгѣ Н. Морозова, слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ противъ устанавливаемой въ ней даты. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить то, что за два съ половиной вѣка до 395 года опредѣленно писали объ Апокалипсисѣ и о томъ, что онъ написанъ Ап. Іоанномъ? Самое простое—пойдти напроломъ и объявить, что мѣста объ Апокалипсисѣ у писателей втораго и третьяго вѣка суть позднѣйшія вставки. Н. Морозовъ такъ и дѣлаетъ.

Приведя цитату изъ „Педагога“ Климента, Н. Морозовъ говоритъ: „Это мѣсто представляетъ несомнѣнную цитату изъ нашего библейскаго Апокалипсиса, и *потому* не можетъ быть написано ранѣе чѣмъ въ 5 вѣкѣ“.

Другихъ основаній для подложности этого мѣста Н. Морозовъ не приводитъ и не могъ бы привести, потому что ихъ *нѣтъ*. Такимъ образомъ съ показаніями древнихъ манускриптовъ Н. Морозовъ не считается научно, не старается отдать себѣ въ нихъ отчетъ, а просто игнорируетъ, *заранѣе* отрицая за ними какое бы-то ни было доказательное значеніе.

Мы же, раскрывши основное заблужденіе Н. Морозова, *такъ* съ показаніями манускриптовъ обращаться не можетъ и посвятимъ нѣсколько страницъ выясненію характера и цѣнности отдѣльныхъ мѣстъ объ Апокалипсисѣ у древнихъ христіанскихъ писателей.

Первое по времени вполнѣ *опредѣленное* упоминаніе объ Апокалипсисѣ мы находимъ у Іустина Философа. Его сочиненія 2-ая Апологія и „Діалогъ съ Трифономъ“, по содержащимся въ нихъ даннымъ, хронологически датируются съ полной несомнѣнностью. Ими Апологіи пріурочиваются къ

концу 40-хъ годовъ, „Діалогъ"—къ началу 60-хъ. Сочиненія Іустина исхожены критиками и историками вдоль и поперекъ. Ни одна строчка не оставлена безъ самаго тщательнаго анализа. О нихъ писали сотни филологовъ и историковъ. Начиная съ Магдебургскихъ центурій, цѣлый рядъ такихъ крупныхъ изслѣдователей, какъ Semler, Bour, Semisch, Otto, Ritschl, Weitzäcker, Hilgenfeld, Aubé и Marity, Engelhardt посвящали Іустину и его „богословію" отдѣльныя монографіи, кромѣ того Іустина не могъ обойдти ни одинъ изъ многочисленныхъ историковъ датъ, историковъ древне-христ. литературы, историковъ канона апологетики, патристики; Іустина перелистывали тысячи нервныхъ критическихъ рукъ, Іустина изучали нѣсколько сотенъ наиболѣе критическихъ мозговъ всего міра, и что же? никто, ни одинъ изъ нихъ не счелъ возможнымъ строчки, относящіяся къ Апокалипсису вырвать изъ общаго контекста, всѣ въ одинъ голосъ признавали принадлежность писаній Іустина къ половинѣ второго столѣтія. Чтожъ, развѣ мимо этого факта можно пройти молчаніемъ? Некритичность Н. Морозова заходитъ здѣсь до слишкомъ осязательной степени.

Мѣсто у Іустина читается такъ:

„Сюда же присоединяется, что у насъ мужъ, именемъ Іоаннъ, одинъ изъ Апостоловъ Христа, въ откровеніи, сдѣланномъ ему, предсказалъ, что вѣрующіе въ нашего Христа будутъ жить тысячу лѣтъ, а послѣ того будетъ всеобщее, словомъ сказать, вѣчное воскресеніе всѣхъ вмѣстѣ, а потомъ судъ".

Н. Морозовъ, приведя это мѣсто (и затѣмъ *латинскій* переводъ его), говоритъ:

„Это, насколько мнѣ извѣстно, единственная фраза, которой снабдилъ Іустина *средневѣковый редакторъ* (или даже составитель) его сочиненія".

Средневѣковый редакторъ! O sancta simplicitas! Даже *средневѣковому* редактору вручается обвинительный актъ! Но, право же, этотъ не существующій редакторъ виновенъ еще менѣе, чѣмъ несчастные „ледакторы" нашихъ газетъ и журналовъ!

Н. Морозову, конечно, должно быть извѣстно, что Іустинъ Философъ писалъ не по латыни, а *по гречески*. И греческій текстъ его сочиненій, вмѣстѣ съ инкриминируемымъ мѣстомъ, дошелъ до насъ въ очень большой сохранности. Съ другой

стороны, намъ извѣстно, что еслибъ воскресъ Діогенъ, зажегъ бы свой знаменитый фонарь и исходилъ бы Европу среднихъ вѣковъ отъ южныхъ оконечностей Испаніи и Италіи, до сѣверныхъ и восточныхъ, ища хотя бы одного человѣка, который бы зналъ по гречески настолько, чтобы по гречески составлять безукоризненно правильныя фразы, то онъ такого бы человѣка просто *нигдѣ не нашелъ*. До Возрожденія греческій языкъ для всей культурной Европы былъ языкомъ неизвѣстнымъ. Не умѣли по гречески читать и понимать, и вдругъ въ этой обстановкѣ появляется „средневѣковый редакторъ", который въ качествѣ редактора обладалъ такимъ знаніемъ греческаго языка, что могъ составить цѣлую фразу въ шесть строчекъ, и втиснуть ее въ сочиненія Іустина. Причемъ знаніе это было такъ совершенно, что всѣ многочисленные филологи, изъ которыхъ нѣкоторые знали греческій языкъ чуть ли не лучше своего родного,—совершенно не замѣтили этой *средневѣковой* вставки. Это фантасмагорія! Или же... нашъ редакторъ былъ въ несомнѣнныхъ сношеніяхъ съ діаволомъ и только средствами черной магіи могъ совершить это непонятное чудо!

За Іустиномъ слѣдуетъ Ириней.

Если у Іустина только говорится объ Апокалипсисѣ и дается парафразъ апокалиптическихъ мыслей, то у Иринея приводятся *цитаты* изъ Апокалипсиса. Напр. въ XXVI гл. 5-ой книги „Противъ ересей" говорится: „Еще яснѣе о послѣднемъ времени и о десяти царяхъ его, между которыми раздѣлится владычествующее нынѣ царство, показалъ ученикъ Господа Іоаннъ, въ Откровеніи изъясняя, что такое десять роговъ, видѣнныхъ Даніиломъ; онъ говоритъ, что ему такъ было сказано: и десять роговъ, которые ты видѣлъ, суть десять царей, которые еще не получили царство, но примутъ власть со звѣремъ на одинъ часъ. Они имѣютъ однѣ мысли и передадутъ силу и власть свою звѣрю. Они будутъ вести брань съ Агнцемъ, и Агнецъ побѣдитъ ихъ, ибо Онъ есть Господь господствующихъ и Царь царей".

Такія же опредѣленныя цитаты изъ Апокалипсиса разсыпаны по всей 5-ой книгѣ Иринея [1]). Н. Морозову, въ виду

---

[1]) XXVIII гл., XXX, XXXIV, XXXV и т. д

многочисленности этихъ цитатъ, приходится все сочиненіе Иринея „Противъ ересей“ изъ II в. перенести въ V. Это онъ дѣлаетъ простой ссылкой, что и *Гарнакъ* относитъ сочиненіе „Противъ ересей“—къ началу пятаго вѣка. Но, во-первыхъ,—еслибы это было и такъ, то—это мнѣніе—не является достояніемъ *науки*, а является *личнымъ* мнѣніемъ Гарнака, а развѣ мало частныхъ мнѣній у различныхъ изслѣдователей? А, во-вторыхъ, и это—главное: Н. Морозовъ, ссылаясь на Гарнака, вовсе не говоритъ на *какое* именно сочиненіе Гарнака онъ ссылается, очевидно, самъ онъ этого сочиненія не читалъ, а такъ отъ кого-нибудь это услышалъ. Но можно ли довѣрять въ такихъ случаяхъ слуху, *чужимъ* словамъ? Чтобы провѣрить Н. Морозова я взялъ толстенные томы Harnack'a „Die Chronologie d. altchristliche Litteratur, bis Eusebius перечиталъ все, что написано въ нихъ объ Иринеѣ и увидѣлъ, что Гарнакъ ни однимъ словомъ не обмолвливается о томъ, что „5 книгъ противъ ересей“ написаны не во II, а въ V столѣтіи, а, между тѣмъ, гдѣ же и писать объ этомъ Гарнаку, какъ не въ „*Хронологіи* древнехристіанской литературы“. Не имѣя подъ руками всѣхъ сочиненій Гарнака, я не могъ пересмотрѣть ихъ всѣхъ, но для того, чтобы еще болѣе убѣдиться въ неправильности ссылки Н. Морозова, я взялъ первый томъ новѣйшей и одной изъ лучшихъ исторій древне-христ. литерат.—„Geschichte d. altkirchlichen Litteratur“ Bardenhewer'a и, пересмотрѣвъ главу объ Иринеѣ, еще разъ убѣдился, что никакихъ заявленій объ отнесеніи „5-ти книгъ противъ ересей“ къ 5-му вѣку въ критической литературѣ и нѣтъ. Что же получается? Неужели Н. Морозовъ считаетъ возможнымъ ссылаться на несуществующіе авторитеты, — выдумывать факты, которыхъ *нѣтъ?*

Это слишкомъ тяжелое подозрѣніе получаетъ характеръ полнаго вѣроятія послѣ изумительной реплики Н. Морозова на слова Тертулліана объ Апокалипсисѣ.

У Тертулліана, писавшаго въ началѣ III вѣка, въ его сочиненіи противъ Маркіона есть опредѣленное свидѣтельство объ Апокалипсисѣ.

Вотъ, въ какомъ видѣ приводитъ его Н. Морозовъ:

„Имѣемъ и Іоанна *вскормленныя церкви*, ибо хотя Марціонъ отвергалъ его откровеніе, однако рядъ епископовъ, разсмотрѣвшій дѣло до начала, постановилъ автора въ Іоаннѣ“.

Приводя затѣмъ латинскій текстъ этой фразы Н. Морозовъ говоритъ:

„Уже самое безграмотное выраженіе этой фразы „вскормленныя церкви“ показываетъ, что она должна принадлежать перу средневѣковыхъ переписчиковъ“. Опять напраслина на бѣдныхъ средневѣковыхъ тружениковъ! Еслибы Н. Морозовъ на волосокъ внимательнѣе отнесся къ приведенной фразѣ Тертулліана, онъ долженъ былъ бы увидѣть что безграмотность выраженія „вскормленныя церкви“ должна быть отнесена не на счетъ средневѣковыхъ переписчиковъ, а насчетъ одного только Н. Морозова. Н. Морозовъ очевидно абсолютно не знакомъ съ латинскимъ языкомъ, не знаетъ его самымъ элементарнымъ образомъ. Въ текстѣ говорится: Habemus et Ioannis *alumnas* ecclesias“. Раскройте какой угодно латинскій словарь, и вы увидите, что имя существительное alumna нигдѣ не передается на русскій языкъ причастіемъ: „вскормленный,-ая,-ое“. — Alumna—значитъ питомица, воспитаница. Вставляемъ это первое и буквальное значеніе слова „alumna“ во фразу Тертулліана, и у насъ получается: „у насъ есть Церкви, питомицы Іоанна“, т. е. такія Церкви, которыя насаждены были Іоанномъ, которыя поддерживались его заботой. Что же нелѣпаго, что же безграмотнаго въ этомъ выраженіи? Рѣшительно ничего. Еще изъ гимназіи мы помнимъ выраженіе изъ Овидіевскихъ Метаморфозъ, что Мидасъ

Silenum reddit alumno.

Что получилось бы, еслибъ Н. Морозовъ и здѣсь alumno перевелъ „вскормленному“? Очевидно, ему пришлось бы и этотъ подлинный Овидіевскій стихъ объявить подложнымъ. Но почему жъ тогда не объявить подложными солнце, луну, всѣхъ людей и все мірозданіе? Тутъ, какъ и въ своемъ толкованіи 6-ой главы, Н. Морозовъ дѣлаетъ свои выводы и свои построенія исходя *не изъ текста*, а изъ завѣдомо ложнаго и ни на чемъ не основаннаго *своего перевода*. Но этотъ печальный фактъ совершенно выходитъ изъ предѣловъ логическаго обсужденія. Подобныя факты подлежатъ только констатированію, но не опроверженію [1]).

---

[1]) Не могу не отмѣтить и слѣдующихъ изумительныхъ пріемовъ въ аргументаціи Н. Морозова: Онъ говоритъ, что „конь темный“ долженъ

Теперь перейдемъ еще къ одному свидѣтельству объ Апокалипсисѣ.

Н. Морозовъ, упоминая объ Оригенѣ, Викторинѣ, Северѣ, обходитъ молчаніемъ „отца церковной исторіи“ Евсевія. Между тѣмъ, обойти Евсевія Н. Морозовъ совершенно не можетъ. Если Иринея онъ не принимаетъ потому, что ссылается на не существующее мнѣніе Гарнака, то въ отношеніи Евсевія онъ не дѣлаетъ даже и этого, и почему онъ это не дѣлаетъ—совершенно неизвѣстно.

Во первыхъ, сочиненіе его о Церк. исторіи датируется точно, 20-ми годами IV столѣтія и, еслибъ можно было спорить, въ какомъ именно году она написана, то, во всякомъ случаѣ, годъ смерти его извѣстенъ въ точности. Онъ умеръ въ 340-мъ году—т. е. за 55 лѣтъ до 395 года Принадлежность Церковной исторіи Евсевію совершенно несомнѣнна. Ее не заподозривалъ никто.

Во вторыхъ, у Евсевія находится не одно случайное мѣсто объ Апокалипсисѣ, которое съ кое-какимъ вѣроятіемъ можно было бы объявить позднѣйшей вставкой. Нѣтъ, Евсевій говоритъ объ Апокалипсисѣ много разъ въ самыхъ различныхъ синтаксическихъ варіаціяхъ. Вырвать эти мѣста изъ контекста безкровно,—совершенно нельзя. Эту операцію нельзя совершить, не искалѣча нѣсколько десятковъ страницъ связнаго изложенія Евсевія.

Въ третьихъ, Евсевій не самъ только свидѣтельствуетъ объ

обозначать Меркурія, ибо Меркурій въ полномъ смыслѣ планета-невидимка. Но спрашивается, мало ли чего на небѣ *не видно*? Почему жъ изъ этого „не видно“ останавливаться на Меркуріи, а не на какихъ-нибудь созвѣздіяхъ Млечнаго Пути? Подобный же логическій произволъ Н. Морозовъ допускаетъ и въ другомъ вопросѣ. Онъ говоритъ: изъ біографическихъ данныхъ Іоанна Златоуста *неизвѣстно*, гдѣ былъ онъ въ 395-мъ г., и отсюда дѣлаетъ заключеніе: слѣдовательно онъ былъ на Патмосѣ. Логическая необоснованность подобнаго утвержденія становится очевиднѣе изъ сопоставленія съ историческими данными За пребываніе Іоанна Златоуста на островѣ Патмосѣ не говоритъ рѣшительно ничего. О пребываніи же Апостола на Патмосѣ есть прямые свидѣтельства, Климента и Оригена. Такъ Климентъ говоритъ, что ап. Іоаннъ, *ἐπειδὴ τοῦ τυράννου τελευτήσαντος ἀπὸ τῆς Πάτμου τῆς νήσου μετῆλθεν εἰς τὴν Ἔφεσον*“ Изъ Оригена же видно, что это было общее мнѣніе преданія: *ὁ δὲ Ρωμαίων βασιλεὺς ὡς ἡ παράδοσις διδάσκει καπεδίκασε τὸν Ἰωάννην μαρτυροῦντα διὰ τὸν τῆς ἀληθείας λόγον, εἰς Πάτμον τὴν νῆσον.* Herzog Real. Encyclopädie B. VI S. 727.

Апокалипсисѣ; онъ приводитъ весьма важныя свидѣтельства изъ болѣе древнихъ авторовъ—и иногда изъ тѣхъ ихъ произведеній, которые до насъ не дошли.

а) въ книгѣ IV главѣ XVIII онъ говоритъ, что Іустинъ „упоминаетъ и объ Откровеніи Іоанна и ясно усвояетъ его сему Апостолу“

б) въ книгѣ IV гл. XXIV Евсевій говоритъ, что у Θеофила антіохійскаго, писателя II вѣка, помимо дошедшихъ до насъ трехъ книгъ къ Автолику, было еще не дошедшее до насъ сочиненіе „Противъ ереси Гермогена“, въ которомъ тотъ приводитъ свидѣтельство изъ Откровенія Іоанна.

в) въ книгѣ IV гл. XXVI перечисляя сочиненія Мелитона епископа сардійскаго, писателя II вѣка, Евсевій говоритъ что имъ было написано цѣлое сочиненіе „Объ Откровеніи Іоанна“.

г) въ книгѣ III гл. XXVIII Евсевій вскользѣ, въ придаточномъ предложеніи, упоминаетъ, что современникъ его Діонисій, епископъ Александрійскій, во второй книгѣ „Обѣтованій“ *(Ἐπαγγελίων)* „говоритъ нѣчто объ Іоанновомъ Откровеніи“

д) Наконецъ въ кн III гл. XXV передавая, конечно, не свое личное мнѣніе, а *общецерковное*, Евсевій дѣлаетъ попытку опредѣлить канонъ новозавѣтныхъ книгъ И вотъ, послѣ „святой четверицы“ Евангелій, послѣ Дѣяній и Посланій Апостольскихъ, онъ, съ нѣкоторой оговоркой, помѣщаетъ и Откровеніе Іоанна.

Вотъ, такимъ образомъ, гора *какихъ* древнихъ манускриптовъ свидѣтельствуетъ противъ даты Н. Морозова. Эта же дата базируется на совершенно фантастическомъ переводѣ 2-го и 8-го стиха 6-ой главы Апокалипсиса.

На одну чашку вѣсовъ кладется, такимъ образомъ, конъектура филолога диллетанта, дѣлающаго элементарнѣйшія ошибки въ переводѣ съ латинскаго языка, совершенно не умѣющаго обращаться съ историческимъ матеріаломъ, а на другую—авторитетныя показанія филологіи и исторической критики, утверждающія подлинность и древность тѣхъ документовъ II, III и IV-го в.в., которыя упоминаютъ объ Апокалипсисѣ.

Не нужно, конечно, и говорить, въ какую сторону нагнутся вѣсы. Послѣ всего вышеприведеннаго это излишне.

Въ заключеніе не могу не сказать слѣдующаго: въ пре-

дисловіи ко второму изданію Н. Морозовъ говоритъ: „Сочувствіе, съ которымъ было встрѣчено читателями „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“ ободряетъ меня и въ другомъ предпріятіи *совершенно того же* рода: закончить мою книгу „Пророки“, тоже начатую во время моего заключенія въ Алексѣевскомъ равелинѣ и въ Шлиссельбургѣ. Дѣло въ томъ, что древніе пророки Іезекіиль, Даніилъ, Захарія и Малахія *тоже* были астрологами. У нихъ фигурируютъ тѣ же звѣри и планетные лики, дающіе возможность вычислить время появленія этихъ книгъ и приводящіе *тоже* къ совершенно неожиданнымъ результатамъ“.

Нельзя не порадоваться, что „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“ написано раньше „Пророковъ“. Книги пророковъ, по сравненію съ Апокалипсисомъ, въ смыслѣ времени ихъ написанія и жизни ихъ авторовъ датированы очень слабо. У древнихъ писателей мы не найдемъ на нихъ ссылокъ, какъ нашли ссылки на Апокалипсисъ. Незащищенность „Пророковъ“ поэтому очевидна. О нихъ можно фантазировать что угодно. И эти фантазіи нельзя опровергнуть положительными данными. Пророкамъ пришлось бы терпѣливо выносить все, что бы Н. Морозовъ о нихъ не написалъ.

Но теперь дѣло обстоитъ иначе.

„Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“ обнаружило съ полной несомнѣнностью фантастичность основной идеи Н. Морозова, ненаучность его разсужденій, некритичность его методовъ. Если онъ обѣщаетъ съ пророками продѣлать *ту же* самую операцію, которую онъ продѣлалъ съ Апокалипсисомъ, то этимъ онъ заранѣе ставитъ крестъ на своемъ новомъ, еще не появившемся произведеніи. „Пророки“ Н. Морозова или должны быть написаны по совершенно новому методу, или же въ научномъ отношеніи они будутъ такимъ же *недоразумѣніемъ*, какимъ, послѣ всего вышесказаннаго, приходится признать „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“.

Н. Морозовъ неправильно понимаетъ сочувствіе общества къ его произведенію. Общество чтитъ въ немъ страдальца, борца за идею. Отсюда понятенъ необыкновенный интересъ къ его книгѣ. Но отъ сочувствія къ человѣку, которому выпалъ исключительный жребій оставшагося въ живыхъ мученика, до научнаго признанія высказанныхъ имъ мыслей— цѣлая пропасть.

Сочувствіе это необходимо. И горе тому обществу, которое не съумѣло бы чтить такихъ людей, какъ Н. Морозовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ: горе тому обществу, которое можетъ серьезно признавать такіе незрѣлые плоды мысли, какъ „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ!“ Этимъ признаніемъ оно выноситъ себѣ приговоръ въ умственномъ несовершенолѣтіи.